

Владимир РЕЦЕПТЕР

* * *

Не вербочка над молитвой,
не ладанка да бальзам,
последние строчки бритвой
полоснут по глазам.

Так было или бывало:
ночами насквозь не спал,
всего тебе было мало,
а сам Господь посылал.

Не нужно ничьих оценок,
вижу и сам — пророс.
Благодарю с коленок
Тебя, Иисус Христос.

* * *

Семейные тайны, семейные схроны...
Я знал, как испортился мальчик влюбленный;
я знал, как девчонка подобила Еве,
а Бог содрогался в заботе и гневе.
И я содрогнулся, не должен был знать я,
как братьям родным предавалась в объятья
жена одного... Как от вскрывшейся тайны
прыгнула в окно чья-то дочь не случайно...
Как жены мужьям от войны изменяли,
а те им прощали, как будто не знали...

Куда мне девать это темное знанье?
Прощаю, прощаю их всех на прощанье!..
Прости мне, священник, прости, исповедник,
ты с Господом Богом прямой собеседник,
я был в воскресенье тобою утешен,
но грешен: я помню — я памятью грешен.

Владимир Эмануилович Рецептер — поэт, прозаик, пушкинист, народный артист России, лауреат Государственной премии России. Создатель и художественный руководитель Государственного Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге (с 1992 года) и театра «Пушкинская школа».

* * *

Деревья в каменных мешках
растут за совесть и за страх,
сгибаясь в сторону просветов,
не ждя подпорок и советов,
они живут, заматерев,
и что за лики у дерев
на фоне кирпича и камня!..
Пишу о них; войти туда мне
мешает замкнутость дворов,
замки, решетки, запрещенья...
О, Господи, прошу прощенья
за деревá и тех людей,
что суше листьев и ветвей...

* * *

Зал Чайковского, праздничный,
сколько лет, сколько сил;
одинокий и страждущий,
я на круг твой всходил...

Зал Чайковского, бережный;
за спиной — твой орган,
я — то тихий, то бешеный,
в зал швырял свой аркан...

Зал Чайковского, пристальный,
я опять на крыльце...
Ты навеки мне пристанью
на московском кольце...

* * *

Тоска расставанья
с жильем, как с быльем,
пока без названья.
Живем, хлеб жуем.

Но вот — неизбежность,
читай: переезд...
И слякоть, и нежность...
И не надоест...

Бытье — это значит:
быт — частность родства,

что долго он прячет,
боясь кумовства.

Потом — пониманье:
безбытность судеб.
Позорны старанья
в угоду потреб.

Тоска расставанья —
частица судьбы.
Дай Бог пониманья
без новой стрельбы.

* * *

Тонкие березы,
тонкие стволы.
Тянут к небу грезы,
не боясь пилы.

Рядом с ними ели,
с них пример беря,
к той же высшей цели
тянутся не зря.

Здесь моя стоянка,
чтоб сказать я мог:
«Высока же планка
для усталых ног!..»

N. N.

...Да, лгать нельзя. Скажу. И напрямик.
Ты опустился и ко лжи привык.
Что происходит с тем, кто врет и врет?..
Актерство это иль, наоборот,
крушение человека, гибель, смерть?..
Мне стало больно на тебя смотреть.
Стань к зеркалу: лгут губы, лгут слова.
Претензия — на лживые права.
Да, прежде верил. Верил и вполне.
Но ты не видишь, что горишь в огне.
В актерском деле человек — первой.
Вочеловечься с пяток до бровей,
вернись к началу, напрочь прекрати
измены ложью нашему пути...

* * *

Звоним, цепляемся за тех,
кто, слава Богу, жив.
Одна из дорогих утех —
наш речевой заплыв.

Попробуй докажи свой дар,
сохранный до сих пор,
ты — не гусар и не корсар,
учитель, прожектор.

И, тратя свой природный пыл
на долгий разговор,
поймешь и то, что годен был
и не пропал с тех пор...

МОЛИТВА

От молитвы теплеет и воздух,
и душа обретает крыла.
Тьмой ночной зарождается возглас:
«Дай, Господь, чтобы наша взяла!..»

Одиночка узнает собрата
маскированную правоту.
И что женщина не виновата.
И что сам заступал за черту.

Замолкает вчерашняя битва.
И сдается отъявленный враг...
Все — молитва, простая молитва,
к Вечной Троице прожитый шаг...